

ДЖОН ТЕРРЕЙН

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Первая мировая —
предпосылки
и развитие

Джон Террейн Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618835

Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие:

Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-0939-3

Аннотация

В книге Джона Террейна охвачены огромные пласты исторического материала. Раскрывается роль каждого государства в Первой мировой войне. Пользуясь большим количеством источников – дипломатических отчетов, сводок с театра военных действий и рапортов высших должностных лиц, – автор убедительно аргументирует ряд обобщений и выводов. Расположенный в строго хронологическом порядке тщательно скомпонованный материал выявляет тайные и явные мотивы политики ведущих держав мира и механизмы, при помощи или вопреки которым свершается неумолимый ход истории.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дж. Террейн

Великая война.

Первая мировая –

предпосылки и развитие

Предисловие

«Германский милитаризм, ставший преступлением последней половины века, стремился к этому в продолжение двадцати пяти лет. Это логический результат его духа, деятельности и доктрины. Он был неизбежен».

«Он был неизбежен» – время подтвердило это суждение, данное послом Соединенных Штатов в Лондоне Уолтером Хайнесом Пейджем в августе 1914 года. Медленно протекавшее движение к объединению народа Германии было изначально воинственным, и оно должно было вылиться в создание такой же военизированной империи, какими были Россия, Австро-Венгрия или Франция при втором Бонапарте. В самом деле, для Германии сама проблема существования всегда носила стратегический характер: добивалась ли она своих целей дипломатическим или военным путем. При Бисмарке война часто была инструментом политики, при

этом дипломатия была энергичной и убедительной. После Бисмарка дипломатия увяла, решающими все больше становились детальные военные планы. Лорд Холдейн, военный министр Великобритании в 1906–1911 годах, понимавший Германию лучше, чем любой другой британский государственный деятель того времени, высказал ту же мысль, что и У. Пейдж. Он писал:

«Причина, по которой к 1913 году должна начаться война, заключается в том, что германскому правительству необходимо натянуть вожжи, чтобы удерживать народ в повиновении. Для этого ему нужно превратить гражданских лиц в солдат... Тогда произнести решающее слово в пользу мира или войны – не их дело».

Вторая мировая война назревала в течение почти двадцати пяти лет, постоянно подпитываясь претензиями Германии, о чем много писалось в 20-х и 30-х годах; глядя из 1939 года в 1918-й, можно увидеть, что промежуток между войнами был эпохой постоянного нарушения Германией достигнутых соглашений. Эти действия пробудили в немецком народе стремление к мировому господству, которого можно достигнуть с помощью традиционного испытанного средства – вооруженных сил. Германия стала источником крупнейших европейских конфликтов первой половины XX столетия, и понятно, почему она должна была им стать.

Основой для современной войны была техника – производная от развитой промышленности, так было и в Герма-

нии. Без технического развития, без индустриальной мощи германская дипломатия и военные приготовления ничего бы не стоили. Период между 1871-м и 1914 годами был временем бурного прогресса: бедная страна внезапно превратилась в богатую. Нация, бывшая в основном аграрной, стала индустриальной. Угольная промышленность, важнейшая отрасль энергетики до появления атомной и вместе с производством стали составлявшая основу индустрии немецкого государства, увеличила производство с 30 млн т в 1871 году до 190 млн т в 1913 году. За 80-е годы в Германской империи почти вдвое возросло производство стали и в такой же степени – чугуна. Проведя образовательную реформу, в которой отдавались приоритеты высшему техническому образованию, Германия быстро вышла в лидеры химической и электротехнической промышленности. Возросли грузоперевозки, в том числе внешние. На каждом этапе промышленного подъема увеличивалось население страны: на 11 млн человек за 1880-1900-е годы, несколько больше за промежуток с 1900-го по 1914 год.

Этот рост показывал профессиональному военному руководству, что у Германии есть прочная материальная база для начала военных операций. С тех пор как в 1890 году молодой кайзер Вильгельм II отправил в отставку Железного канцлера (Бисмарка), военная верхушка в виде Генерального штаба неизменно получала все более сильное и опасное влияние. Кайзер имел мистическое отношение к идее мирового

превосходства Германии и монархического правления внутри самой Германии – страны индустриальной, образованной, благочестивой, трудолюбивой, но импульсивной и временами истеричной, поэтому постепенно переставал быть главой государства, превращая себя в военного министра и сливаясь с военной верхушкой. Когда было уже поздно, он стал понимать, в какой мере сдал свои позиции чужому авторитету, став заложником германской имперской силы. Заложником идеи стала также армия.

Сущность германской военной идеи была проста и смертельно опасна: война на два фронта. Тайный альянс с Австрией, заключенный в 1879 году, был определен грядущей опасностью для союзных немецких государств со стороны вероятных противников: России и Франции. Когда в год вступления кайзера на престол (1888 г.) произошло сближение двух таких разных партнеров – авторитарной европейской империи и молодой Третьей республики, – война на два фронта становилась неизбежной. Весь Генеральный штаб рассчитывал свои планы, исходя из этого положения.

Пресловутый план Шлиффена, который в несколько измененном виде был повторен германским наступлением в 1914 году, содержал два кардинальных элемента: оборонительные действия на русском фронте, согласованные с Австрией, и молниеносный удар крупной массы германских войск на западе, заканчивающийся вторым Седаном. В бурлящей предвоенной Германии 1914 года такой вариант ка-

зался лучшим из возможных. Генерал граф Адольф фон Шлиффен¹, чье имя не ассоциируется с личными победами, одержанными на поле боя, внес значительный вклад в развитие военного искусства, как и выдающиеся воины своего века: Наполеон, Ли, Грант или фон Мольтке. Это само по себе поразительно и связано со специфическими особенностями германской армии, в которой штабной офицер пользуется таким большим авторитетом, который незнаком другим армиям. Целеустремленный, лишенный всякого юмора, мистически настроенный, как и кайзер, в отношении армии, фон Шлиффен разрабатывал свой план, демонстрируя и огромную интеллектуальную профессиональную хватку, какую может иметь такой человек, и роковую ограниченность высокопрофессионального, но узкого кругозора.

В самом плане имелись два серьезных неучтенных момента: первый требовал от германской армии полного напряжения своих сил, чего Шлиффен не дождался до своей смерти; второй не учитывал, что нарушение нейтралитета будет моральным поражением Германии и вызовет умножение ее противников. Это можно было бы предотвратить искусным управлением государственными делами, но политики Германии выпустили вожжи из рук.

---

¹ Шлиффен Адольф фон – начальник Генерального штаба Германии в 1901–1906 гг.

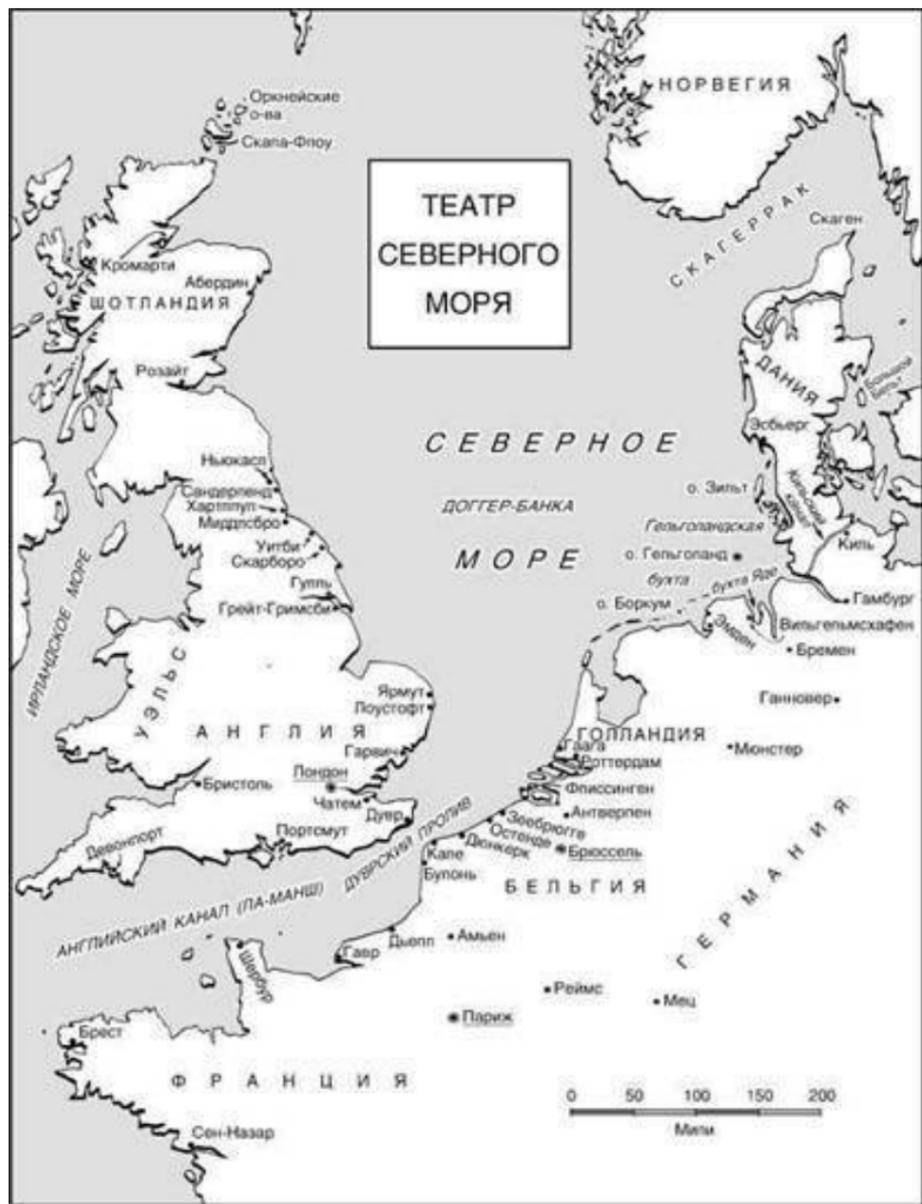
Глава 1

Огни гаснут

Для того чтобы разжечь мировой пожар, не понадобился обстрел форта Самтер, хватило револьверного выстрела убийцы. Эрцгерцог Франц-Фердинанд, наследник австрийского престола, нанес визит в Сараево, столицу недавно аннексированной провинции Боснии. Это был официальный государственный визит, заранее спланированный. Он предусматривал поездку по городу эрцгерцога и его морганатической супруги Софии в сопровождении эскорта гражданских сановников, инспекцию военных частей и официальное выступление с приветственной речью в городском собрании.

Драма произошла быстро. На пути в городское собрание в кортеж была брошена бомба, которая не достигла цели: эрцгерцогу она не нанесла вреда. Но осколком был ранен один из его помощников, сопровождавших автомобиль на некотором расстоянии. Это существенно испортило официальную часть. Церемония была скомкана, и вскоре процессия тронулась в обратный путь к железнодорожному вокзалу. Казалось, опасность миновала, и предосторожностей предпринято не было. Среди ожидавших отъезда эрцгерцога был славянский студент Таврило Принцип – один из тысяч тех, в ком австрийское правление, считавшееся оскорбительным

для народа, разбудило яростный национализм. При нем тоже была бомба, и он бросил ее, но она не взорвалась. Тогда он выхватил револьвер и сделал три выстрела. Пули попали в эрцгерцога и его супругу, пытавшуюся прикрыть мужа своим телом. Оба умерли почти мгновенно. Принцип и его сообщники были немедленно арестованы.

Реакция австрийского правительства была незамедлительной: оно возложило вину за случившееся на соседнее Королевство Сербию, которое якобы потворствовало антиавстрийским настроениям, дало убежище и оказывало поддержку бунтовщикам и убийцам, в том числе Принципу. В течение пяти недель Австрия вела политику вовлечения народов Европы в войну, которая разошлась по всему миру и смела империю Габсбургов, а кроме нее, многие другие.

Это событие потрясло множество людей, но не было воспринято так серьезно, как следовало. В бурной атмосфере балканской политики даже террористический акт против наследника престола мог считаться банальным. Франц-Фердинанд был убит 28 июня, а до 21 июля серьезные газеты, в том числе лондонская «Тайме», писали о малосущественных новостях. Между тем только четырнадцать дней отделяли Англию от войны. Летние каникулы, крикетный сезон, регата, пикники, поездки на побережье – вот чем были озабочены люди. Во время этих каникул произошло пышное зрелище, вызвавшее удивление и восторг, но значение его также не было полностью оценено: король Георг V нанес «неформальный визит королевскому флоту», прибыв 18 июля на Спитхэдский рейд, являвшийся внешней частью главной военно-морской базы Портсмут. Судами были усеяны 40 миль, здесь было 260 военных кораблей, включая 24 новых линейных корабля типа «дредноут» и 35 более старых линейных

кораблей, выстроившихся для королевского смотра. По впечатлениям участников, зрелище выглядело огромным городом, состоявшим из железных замков, каждый из которых стоит самостоятельно и не зависит от других. После этого парада флот вышел в море для тактических маневров, продолжавшихся несколько дней. Моряки не знали, что, в сущности, они были уже на войне. Эскадры уже не расформировывались, направившись к пунктам военного базирования.

В те дни, когда проходил Спитхэдский парад, события развивались в нарастающем темпе. Австрийские угрозы в сторону Сербии повлекли за собой мгновенную реакцию в России. Это было, с одной стороны, чувство славянской солидарности, с другой – враждебное отношение к усилению Австрии на Балканах, считавшихся сферой влияния России. Для царской империи было невозможно остаться в стороне от конфликта. Австрия, видя поддержку Сербии Россией, обратилась к своему союзнику Германии. Германия заверила о поддержке любой акции Австрии, что приводило к раздуванию мирового пожара. Возможность военного столкновения России с двумя немецкими империями сразу стала ясна ее союзнику Франции, президент которой Раймон Пуанкаре и премьер-министр Рене Вивиани в то время находились с визитом в Санкт-Петербурге. Реакция Франции для Германии была ожидаемой и была положена в основу ее военных планов. Если бы Франция не высказала желания действовать сообща со своей союзницей Россией, Германии пришлось бы

втягивать ее в войну силой оружия, что меняло бы последовательность плана и могло привести к поражению. Но были два сомнительных момента. Могли ли центральные державы, Германия и Австрия, полагаться на своего третьего партнера, Италию? Могла ли Франция рассчитывать на поддержку своего недавнего и сдержанного союзника Англию?

В Англии понимание серьезности происходящих событий пришло позднее и было не столь уверенным, что было вызвано не только летним отдыхом. В июле 1914 года у британских политиков были совершенно другие заботы. Никогда за последние сто лет Англия не была так близка к гражданской войне, как в период между мартом и июлем 1914-го. Причиной стала Ирландия: настойчивые требования католиками Южной Ирландии самоуправления находились в противоречии с резким неприятием протестантов Северной Ирландии правительства Дублина. При попытке давления на протестантов Ольстера в британской армии произошел мятеж офицеров. Армия трещала от верхов до основания; военный министр и начальник имперского Генерального штаба ушли в отставку, король лично призвал собравшихся в Букингемском дворце приложить все старания к тому, чтобы отыскать решение проблемы. Государственные деятели знакомились с деталями раздела страны, рисуя границы ирландских церковных приходов на крупномасштабных картах; европейский кризис вторгся в их проблемы внезапно.

30 июля король Георг V написал в своем дневнике: «Те-

леграммы из-за рубежа поступают весь день; мы делаем все, что можем, для сохранения мира и предотвращения войны, но положение вещей выглядит очень мрачным... Дебаты в парламенте по ирландскому вопросу сегодня были отложены в связи с рассмотрением опасной ситуации в Европе». Что предпримет Англия? Этот вопрос задавали во всех европейских столицах, но с наибольшей тревогой – в Париже. В течение нескольких последующих дней настойчивые увещевания французского посла в Лондоне становились все более пылкими. Эта атмосфера, заставшая Британию врасплох, очень раздражала; последствия сказывались довольно долго уже после начала военных действий.

Ничто не может быть дальше от правды, чем утверждение о неготовности Англии к войне в 1914 году. Несмотря на влияние пацифистов, предчувствовавших уход со сцены правящей либеральной партии, не было в британской истории периода более насыщенного радикальной реорганизацией военных ресурсов, чем первые пятнадцать лет XX века. В это время Британия лидировала на море, ее империя, раскинувшаяся по всему земному шару, объединялась и обеспечивалась королевским флотом. Обеспокоенное строительством кайзеровского флота, британское адмиралтейство, подгоняемое демонической энергией адмирала Джона Фишера и усилиями Уинстона Черчилля, осуществляло обширную программу переоснащения и реконструирования флота. Спитхэдский парад дал некоторое представле-

ние о ее результатах. При лорде Холдейне, стоявшем во главе военного министерства, впервые начал деятельность Генеральный штаб. Задачи армии пересматривались, результатом была организация экспедиционных сил. Было предусмотрено увеличение численности армии в военное время за счет второй очереди территориальных войск. Разрозненные силы империи были модернизированы и переоснащены; они были адаптированы к новому вооружению и разработанной новой тактике. В ходе обсуждения в Комитете обороны империи стратегических вопросов, они были со вниманием восприняты лучшими умами Европы. Если ожидаемых результатов в полной мере не было, это произошло не оттого, что в Британии никто до конца не понимал сущности происходившей в XX веке революции военного дела.

Окончательным выражением подготовки Британии к войне стала знаменитая «Военная книга». Она поэтапно излагала процессы перехода к военным условиям применительно к разным сторонам общественной жизни. Человеком, вложившим наибольшие усилия в создание этого выдающегося труда, был лорд Ханки, секретарь Комитета обороны империи, в то время это был еще молодой, малоизвестный флотский офицер. Суммируя свои мысли, он писал: «Каждая деталь должна быть продумана, в максимальной степени гарантирована соответствующим обеспечением, придирчиво проверена, планы должны претворяться в жизнь незамедлительно, без задержек... Когда король призовет нас, каждый должен

знать, что ему следует делать». «Военная книга» была закончена и утверждена 14 июля, всего за четырнадцать дней до того, как Австрия объявила войну Сербии.

Но был вопрос: успела ли Британия пройти стадию подготовки к войне? Если нет, то оставалась возможность непродолжительной войны, скорее всего губительной для ее союзников и ее интересов. Если Британия готова, то она может принять участие в серьезных событиях. Очевидно, что тогда конфликт будет длительным и серьезным. Решение этого вопроса и его последствия были очень важными, но весьма трудными для либерального правительства премьер-министра Асквита. Несмотря на все действия комитета обороны империи, который возглавляли Холдейн и Черчилль, самого Асквита, природа кризиса и степень вмешательства в него Британии не были понятны. Нужно было нечто большее, чтобы вытянуть Британию из ее изоляции, хотя не такой сильной, как у Соединенных Штатов. Германия, полностью подчиненная планам Генерального штаба, не медлила с получением дополнительных преимуществ.

Объявления войны и ультиматумы замелькали теперь с бешеной скоростью. 28 июля Австрия объявила войну Сербии. Первый британский флот выдвинулся на свои базы в Северном море для внешней защиты от Германии. 29 июля Германия сделала запрос о гарантиях британского нейтралитета в случае начала европейской войны; на следующий день запрос был отклонен министром иностранных дел Британии

Эдвардом Греем. В этот день Россия объявила о частичной мобилизации, на что Германия ответила угрозой своей мобилизации, если Россия не прекратит свою. Поток немецкой пропаганды о «пограничных инцидентах», сведения о которых позже оказывались фальшивыми, так встревожили французское правительство, что оно распорядилось отодвинуть все пограничные войска на 6 миль² вглубь от границы. Белград подвергся бомбардировкам. Австрия и Россия к 31 июля провели полную мобилизацию. Турция как была непонятным участником событий, так им и оставалась. Британия запросила Францию и Германию о гарантиях нейтралитета Бельгии. Франция дала гарантии сразу, Германия ответила уклончиво, и вскоре выяснилась причина.

К 1 августа Франция, Германия и Бельгия провели мобилизацию; Германия объявила войну России. 2 августа британское правительство, чтобы успокоить Францию, обещало воспрепятствовать германскому флоту атаковать французские порты со стороны Северного моря. В тот же день Германия потребовала неограниченного прохода своих войск через Бельгию; германские войска вторглись в Польшу, Люксембург и Францию. Франция и Германия объявили, что с 3 августа находятся в состоянии войны. Эдвард Грей обратился к палате общин, формального голосования не было, но настроение палаты было солидарным с политикой правительства. 4 августа Германия объявила войну Бельгии и

---

² 1 миля = 1,6 км.

незамедлительно пересекла ее границу. Британия начала мобилизацию, на три дня позже своего союзника Франции, и предъявила ультиматум Германии: в течение двенадцати часов предоставить гарантии нейтралитета Бельгии, или Британия вступает в войну. Канцлер Германии Бетманн-Гольвег с горечью заметил британскому послу в Берлине: «Из-за этого клочка бумаги Великобритания развязывает войну между родственными нациями». Но так и случилось; срок ультиматума истек в полночь. Стоя у окна министерства иностранных дел и глядя на свет фонарей в Сент-Джеймс-парке, Эдвард Грей печально сказал: «Огни погасли по всей Европе, мы не увидим в нашей жизни, как они зажгутся вновь».

Но толпы, стоявшие вдоль Пэлл-Мэлл и у Букингемского дворца, с неослабевающим энтузиазмом пели «Боже, храни короля!». В этот момент напряжение вылилось наружу, все пришли в состояние небывалого воодушевления. Немногие понимали, какую цену придется за него заплатить.

Германия, Австрия, Россия, Сербия, Франция, Бельгия, а теперь и Британия участвовали в войне.

Но перечень европейских стран еще был не полон; за ними могли последовать новые участники. Италия объявила о своем нейтралитете, но надолго ли его хватит? Насмешливые французы, давая определение итальянской политике, говорили: «Италия вступит в войну, как только выяснится, какой из противников ближе к победе». Так и случилось в двух мировых войнах. Положение Турции определялось ди-

леммой Балканских государств; рано или поздно они должны были бы примкнуть к одной из сторон в качестве союзника. Незавидное решение, принять которое не помогут ни идеализм, ни материализм. Для всей Европы наступил трагический час.

Глава 2

Баланс сил

Если бы война велась и выигрывалась на бумаге, то путем несложных математических расчетов стало бы ясно, что в 1914 году у союзников было очевидное и значительное преимущество, как у войск США против конфедерации южан в Гражданской войне 1861 года. В обоих случаях были четыре года жестокой дорогостоящей борьбы с периодами неопределенности, заставляющей сомневаться в ее исходе. Причина такого течения в обоих случаях имела одну и ту же природу: Гражданская война в Америке была первым примером большой современной войны, опирающейся на технические средства, полученные в ходе индустриальной революции, которая была причиной военного конфликта. Спустя пятьдесят лет Первая мировая война продолжила этот процесс на более высоком уровне, опираясь на новые силы, более мощные, на базе возросшего технического и индустриального роста.

Соотношение военных сил, противостоящих друг другу, в момент начала войны было неравным: 136 германским и австрийским пехотным дивизиям с 22 кавалерийскими противостояли 199 пехотных и 50 кавалерийских дивизий союзников. Но такая арифметика обманчива. В течение всей войны стратеги-любители будут впадать в искушение простых срав-

нений и расстраиваться, поскольку реальные события противоречили их расчетам. Силы центральных держав располагали бесценным активом германской армии, которая состояла из 87 пехотных дивизий и половины общей кавалерии. Их руководящий состав и общий потенциал были высоко боеспособными. В первые дни войны они возмещали собой слабость многонациональных войск Австро-Венгрии. Воинские достоинства, мощь производства, практически единая нация и центральное географическое положение Германской империи уравновешивали меньшую численность ее армии.

«Ведущим колесом» германской армии был ее Генеральный штаб, бывший центром планирования и организации всех действий, снабжения, повышения уровня подготовки штабных офицеров, что являлось необходимым для слаженной бесперебойной работы огромной военной машины. Тщательные унифицированные тренировки и доктрина, сама по себе являвшаяся оружием: «Чем выше командир, тем большим количеством людей он располагает; личный состав необходимо приучить к игнорированию возможной гибели и к уверенности в успехе решительных и слаженных действий; энергичная, но подчиненная субординации инициатива преподается как основной принцип всего командования». Но внутри этой цитадели воинской силы имелось свое слабое звено: начальником Генерального штаба был генерал-полковник Гельмут фон Мольтке, племянник великого фон Мольтке времен Франко-прусской войны. Он не унасле-

довал от дяди его военных талантов; ему, нерешительному и восприимчивому, не хватало целеустремленности и властности своего знаменитого родственника. Самая грозная в мире армия вступала в войну под руководством человека, склонного к колебаниям и компромиссам.

Располагая резервом в 4 миллиона 300 тысяч обученных человек, действующая германская армия была организована как 25 армейских корпусов, каждый из которых состоял из двух дивизий. Бок о бок с действующей армией, частично готовые к участию в боевых действиях, находились 32 резервные дивизии, наличие которых оказалось первой большой неожиданностью войны. Смелость, выносливость и проявление огромного мужества – характеристики, свойственные этой огромной массе пехоты. Но кавалерия, объект постоянного личного внимания кайзера, не оправдывала надежд: драгуны, кирасиры, гусары и уланы, лихие боевые атаки и рубка «от плеча» отошли в прошлое. Германские кавалерийские дивизии были разбавлены легкой пехотой для придания им огневой мощи, но результатом стало ослабление духа кавалерии и бесполезность ее на всех фронтах.

Германская полевая артиллерия была плохо экипированной, ее стандартная 77-миллиметровая (3-дюймовая) пушка, несмотря на малый вес и простоту в обращении, была модернизацией старой системы, худшей среди европейских армий. Но Германия приготовила сюрприз для своих противников, ставший «фирменным знаком» этой войны с самого начала и

прочно удерживавший свое значение позже. Это было наличие большого количества тяжелых полевых орудий, в частности 5,9-дюймовых³ гаубиц, являвшихся выдающимся достижением артиллерии. Начинаясь война была фактически войной артиллерий – великой войной тяжелых пушек, и Германия, готовясь к этому заранее, приобрела существенное преимущество. Эффективным оружием, при наличии большого количества, были также германские пулеметы. Количество пулеметов в немецкой пехоте в 1914 году не превышало их количество в британской армии, но Германия могла производить их в большем объеме. В целом ее армия была могучим военным инструментом. За четыре года она вынесла невероятные удары, будучи в крайнем напряжении; она была столпом германских амбиций, которые рухнули вместе с ней.

Армия Австро-Венгрии могла только поддерживать усилия, показывающие ее способность выполнять свои обязательства. В ее составе только 25 процентов бойцов имели немецкое происхождение, 23 процента были венграми; более половины составляли словаки, чехи и итальянцы, то есть относились к нациям, настроенным против двойственной монархии Габсбургов; это были люди, которые в рядах официального противника в большей степени видели своих защитников. Неизбежно последовавший крах империи был в значительной мере обусловлен этой причиной. Но австрийская армия демонстрировала высокие качества: в тяжелых

---

³ 1 дюйм = 2,54 см.

ситуациях австрийские солдаты обнаруживали высокую выносливость; кавалерия, охваченная мадьярским воодушевлением, прекрасно выполняла свои задачи, тяжелая артиллерия – огромные шкодовские осадные гаубицы – оказывала неоценимую поддержку германским войскам. Начальник австрийского Генерального штаба генерал-фельдмаршал Конрад фон Хетцендорф был охарактеризован как лучший стратег войны. Его грандиозные планы часто далеко превосходили возможности его вооруженных сил, но в целом они играли роль «второй скрипки» у германского военного командования.

Большое количество сил союзников было сосредоточено в России: 114 пехотных и 36 кавалерийских дивизий. Это был тот самый «русский паровой каток», медленно двигавшийся, но уверенный в успехе, который должен был раздавить противника и с грохотом вломиться в Берлин. Много было сделано, чтобы улучшить русскую армию после унижительного поражения в войне с Японией в 1905 году, но она так и осталась неуклюжим гигантом. Мобилизация ее проходила медленно, испытывались серьезные материальные трудности, не хватало снаряжения, даже запасы винтовок были незначительными. Армия страдала рядом недостатков: слабой подготовкой командиров низшего звена, невысокой квалификацией и коррумпированностью верхушки. Олицетворением невежества, мошенничества и предрассудков был сам военный министр генерал Владимир Сухомлинов; окружение

царя было прогерманским. Это крушило доблесть и умение русских воинов, определило трагическую участь миллионов храбрых, преданных, но плохо снаряженных и в большинстве своем неграмотных солдат. Тем не менее эта армия одерживала бы победы, если бы выносливость пехоты усиливалась умением артиллеристов вести продолжительный огонь, тогда бешеный натиск казаков захлестнул бы равнины Восточной Европы.

Твердым военным сердцем союзников была французская армия. Франция с поразительным напряжением, с помощью сверхусилия воли вытащила свою армию из полного кризиса 1871 года и обернула свои силы против завоевателя, ужасая его. Это было удивительное возрождение, продиктованное германскими военными планами, которые были направлены на быстрое сокрушение Франции и полное ее подчинение. Различие в численности народонаселения не давало Франции возможности превзойти Германию на поле боя числом, но увеличение периода обязательной воинской службы и привлечение резервов из колоний позволили ей сформировать 62 пехотные и 10 кавалерийских дивизий. Эта внушительная масса войск в сочетании с мощной системой оборонительных крепостей была готова ослабить германский натиск на Россию. Энергичные, смысленные, легко приспособляющиеся французские солдаты были редкостным материалом для создания армии. Части ее были превосходны: эффективные штабы, решительные, умелые коман-

диры, к недостаткам которых можно отнести только чрезмерную храбрость, и знаменитые скорострельные 75-миллиметровые пушки. Но французская армия находилась в плену своей доктрины, вредное влияние которой пронизало все ее уровни: от стратегической концепции до тактики, организации и материальной части.

Существенные преобразования во французской армии после 1871 года были невозможны без интеллектуальной и психологической перестройки. Рецепт победы был взят из наследия величайшего воина Франции – Наполеона I. Из военного опыта Наполеона был выбран главный элемент, имеющий решающее значение для военной победы: решительное наступление прямо на ряды противника. Это определило стратегическую основу французской военной идеи. Дух наступления должен проникнуть в каждую часть армии, вызывая эмоциональный подъем, нужна уверенность в своих силах, без которой концепция была бессмысленна. Все французские солдаты были обучены кидаться в атаку очертя голову. Это создавало тактическую жесткость; но при этом переоценивалась роль полевой артиллерии и игнорировалось значение тяжелых орудий. Наполеоновское наследие выражалось даже в освященной традициями форме французской пехоты: красных брюках и толстой темно-синей куртке. Кавалерия щеголяла в кирасах и шлемах времен Первой империи или в развевающихся плащах, служивших при войне в пустынях Северной Африки. Обученные исключительно

применению холодного ударного оружия, французские кавалеристы, кроме сабель и пик, были вооружены лишь небольшими карабинами. Их попытки сражаться в пешем строю можно было бы назвать просто смешными, если бы они не были для них гибельными.

Во главе этой неправильно воспитанной, но потенциально великолепной армии стоял начальник Генерального штаба, во время войны назначенный главнокомандующим генерал Жозеф Жак Сезар Жоффр, офицер инженерных войск, имевший высокий авторитет как сторонник наступательных действий. После крушения своей тактики военных операций он продемонстрировал несокрушимые нервы, стойкость и мужество, а также неожиданную мудрую гибкость, помогавшую ему извлекать небольшие победы даже из поражений.

Более мелкие континентальные союзники делали все, зависящее от них. Сербия выставила 11 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую; эту силу имело смысл учитывать, поскольку у страны был опыт Балканских войн 1912–1913 годов, и она была воодушевлена своими успехами в них. Это были одни из лучших по своей природе бойцы Европы, их неукротимый пыл компенсировал малую численность. Бельгия, у которой были только 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизия, казалось, имела небольшое значение в стратегии армий великих держав, но это мнение оказалось ошибочным. Крылатое определение «доблестная маленькая Бельгия», звучащее как сентиментальное или пропагандистское, выражает

признание военного подвига. Это в большей степени выразилось в бесстрашном короле Альберте, чем в делах руководимых им войск; но слабо подготовленная армия Бельгии, несмотря ни на что, обнаружила во многих сражениях высокую доблесть.

Оставалась Британия, хозяйка океанов, вооружившая сильнейший в мире флот. Но какие силы для ведения войны могли предоставить ее необъятные просторы? Британская армия была строго дифференцирована по следующим видам войск, описанным ниже. Это была регулярная армия, предназначенная для защиты Британской империи, сосредоточенная в гарнизонах, наиболее значительные из которых находились далеко в Индии. Полностью готовая, эта армия состояла из 11 пехотных дивизий (как у Сербии) и 3 кавалерийских. Экспедиционные силы в августе 1914 года могли предоставить только 6 пехотных и 1,5 кавалерийской дивизии. Но это были регулярные части, «британские волонтеры», их почитатели с гордостью утверждали, что «каждый из них стоит двадцати завербованных» – это была «армия профессионалов». Оставив чувства в стороне, следует сказать, что «сырой» материал этих сил не обещал ничего хорошего. Исключая те годы, когда в сельской местности был неурожай, набор рекрутов проводился в больших промышленных городах Британии. Физические данные рекрутов, набранных из современного городского сословия, не производили хорошего впечатления. Исключение составляли рослые

шотландские горцы в немногочисленных гвардейских полках да крепкие ирландские крестьяне, но их было мало. Тем не менее это были опытные, долго служащие солдаты – семь лет в строю, пять лет в резерве; регулярное питание, тяжелая физическая нагрузка, жизнь на свежем воздухе, режим с ранним подъемом и ранним отбоем преобразовывали даже чахлах детей трущоб. Кроме того, разнообразие условий, в которых им приходилось служить на окраинах империи, способствовали приобретению ими опыта. Они имели хорошую подготовку к ружейному бою, ночным операциям, маскировке; они находились в состоянии постоянной боевой готовности. Для кавалерии были очень полезными совместные тренировки с пехотой. Артиллерия, учитывая опыт Англо-бурской войны, имела достаточное количество тяжелых полевых орудий и первоклассные 18-фунтовые⁴ полевые орудия. Транспорт и администрация экспедиционных сил стояли выше европейских стандартов. Как и северянам-волонтерам в регулярных войсках Соединенных Штатов при Бул-Ран, этому хорошо тренированному ядру пришлось в первые дни войны принять удар на себя, но их было мало.

Слабость в отношении численности была не единственной, были и другие недостатки. Лишь немногие офицеры имели опыт командования большими соединениями, им были незнакомы риск и напряженность этого процесса. Командующий, фельдмаршал сэр Джон Френч, отличившийся как

---

⁴ 1 фунт = 0,45 кг.

кавалерийский генерал в Южной Африке, ни интеллектуально, ни психологически не соответствовал своему назначению.

В открытом бою армия с такой численностью могла некоторое время продержаться, но ей было необходимо пополнение. Важным элементом реформы армии, проводившейся лордом Холдейном, было создание армии второй линии, состоящей из территориальных войск, подкрепляющей регулярные войска. Это была «запасная» армия из волонтеров, включавшая в себя 14 пехотных дивизий и 14 кавалерийских бригад, обучавшихся кадровыми офицерами регулярной армии. Конечно, не хватало времени для их подготовки в полевых условиях. Поэтому многие сомневались в их пользе, и мы увидим далее, что эти сомнения, к сожалению, имели основания.

Такое же положение было и в империи. Только Индия располагала регулярными войсками, готовыми к тому, чтобы оказать содействие; немного индийских солдат было послано во Францию. Индия внесла наибольший, по сравнению с другими частями Британской империи, вклад, обеспечив не менее одной четвертой части экспедиционных сил на полях сражений. Многие менее крупные англоязычные доминионы имели большие проблемы с формированием войск и оснащением их боевой техникой. Чтобы их помощь оказалась существенной, требовалось время, но в конце концов 4 дивизии выставила Канада, 5 пехотных дивизий – Австра-

лия, горную дивизию – Палестина и 1 пехотную дивизию – Новая Зеландия; все они были хорошо подготовлены. Южная Африка вела самостоятельную кампанию против немецких колоний, она также выслала бригаду во Францию. Контингенты из колоний, находившихся в разных частях света, помогали в силу своих возможностей. Все это стало возможным благодаря господству на море; такие возможности Британии Германия не принимала во внимание.

Пехота, кавалерия, артиллерия – это были традиционные рода войск, хорошо знакомые всем цивилизованным государствам. Использовалось также традиционное вооружение: пики с развевающимися флажками, штыки, какими пользовались федераты и конфедераты, шпаги. Один молодой офицер, состоявший при фельдмаршале Монтгомери, выполнял следующую инструкцию: «Все офицерские шпаги должны быть сданы в оружейные мастерские; не позже чем на третий день мобилизации они должны быть заточены». Конечно, было и современное вооружение и снаряжение: скорострельные винтовки, пулеметы, полевые телефоны, дальномеры, полевые кухни, автомобильный транспорт. Но одна новинка отличала эту войну от предыдущих войн XX столетия: впервые человек использовал для сражений третью стихию – воздух.

В августе 1914 года в распоряжении Германии было 384 боевых самолета и флот из 30 дирижаблей. Дирижабли, традиционное название которых было связано с именем инже-

нера (в прошлом кавалериста), приложившего много усилий для их развития, графа Цеппелина, вызывали наибольшую тревогу. Их огромные размеры (более 700 футов в длину), дававшие им превосходство по сравнению с аэропланами, большая грузоподъемность, набор высоты и маневренность – комбинация этих свойств создавала пугающий образ. Если позже они не оправдали надежд, все же следует помнить о том, какую роль они сыграли в первоначальный период войны. Имея цеппелины и аэропланы, Германия обладала существенным преимуществом. У французов, давших авиации много таких блестящих имен, как Блерио и Фарман, бывших пионерами авиации, было 123 самолета и 10 дирижаблей. У Британии было 113 боевых самолетов, из них 63 сопровождали экспедиционные силы. Простая фраза «эскадрилья улетела во Францию» означала конец британского способа ведения войны и стиля жизни в целом – островной изоляции страны. Неуверенные полеты хрупких британских самолетов на аэродромы во Франции символизировали полеты в темное будущее.

Глава 3

План разворачивается

Мы начали интересоваться, по каким признакам мы реально узнаем, когда здесь появятся германцы... Мы воображали себе бесконечные колонны одетых в серое людей в остроконечных касках, раздавивших несчастную маленькую Бельгию, затопленную их нашествием. На что это будет похоже, когда пехота, чье движение мы отмечали на картах дюйм за дюймом, действительно пойдет прямо на нас?...

Спис. Контакты 1914

При наличии массовых армий XX столетия начало военных движений приобретало решающее значение; необходимо было избежать неприятных неожиданностей при завершении их развертывания. С увеличением численности армий увеличивалось и число связанных с ними проблем; за некоторое время до полного развертывания они были уже ощутимы. В момент начала войны между воюющими сторонами словно упала завеса; наступило молчание, прекратилось движение через невидимую линию, разделявшую их; чистый и мирный вчерашний пейзаж наполнился зловещими тенями. В первые дни августа на фронте все было неопре-

деленным, и напрасно солдаты напрягали глаза, чтобы проникнуть взглядом сквозь дым войны. Позади армий воздух был наполнен громоханием военных эшелонов; тысячи муштрующих сержантов вопили на всю Европу. Только кое-где – то тут, то там – начал звучать гром пушек.

Примечательно, что первые столкновения произошли на Западном фронте; скорость была существенным фактором германских планов, по которым Франция должна была быть разбита за сорок дней. Это должны были сделать три из семи германских западных армий путем создания большого кольца; их силы составляли 34 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Они должны были пройти через Бельгию и Северо-Западную Францию, обойти с запада Париж и в конце разгромить французскую армию, стоящую спиной к своим пограничным укреплениям. Это был блестящий план, но для его выполнения был необходим беспрепятственный проход через территорию Бельгии. В целях экономии времени отборная группа из 6 бригад вторглась в Бельгию 4 августа и уже 5 августа попыталась внезапным натиском овладеть укреплениями Льежа.

Укрепления в 1914 году были совсем не похожи на средневековые замки и мало напоминали выдающиеся сооружения, которые создавались инженерами XVIII века. Строго говоря, это был укрепленный район – кольцо из 12 настоящих фортов по обоим берегам реки Маас, сооруженных из железобетона со стальными куполами для их тяжелой артил-

лерии; между ними было около 400 орудий, составляющих защиту Льежа. Некоторые из фортов отстояли друг от друга более чем на 3 мили; для защиты этих промежутков нужны были полевые дивизии.

Сразу после того, как германские атакующие войска начали штурм, проявились некоторые ужасные черты всей последующей войны. Бельгийский командир генерал Жерар Леман проявил стойкость и мужество, сделавшие его первым героем войны. Форты и пехота совместно отразили германский натиск, нанеся противнику существенные потери: в некоторых частях царило замешательство. Только здравый смысл представителя Генерального штаба во 2-й германской армии генерал-майора Эриха Людендорфа предотвратил их серьезное поражение. Главной причиной такого исхода боя был пулеметный и ружейный огонь бельгийцев, причем сами бельгийцы были поражены таким эффективным действием этого оружия против плотных боевых порядков решительного противника. Но такие потери не могли помешать высшему германскому командованию добиваться своих целей. Ночью 5 августа Людендорф вступил в Льеж, а 6 августа бельгийская полевая дивизия была вынуждена отступить еще дальше.

Германцы торжествовали и выпустили преждевременное напыщенное официальное сообщение. Прошло шесть дней, прежде чем они смогли пустить в ход свои огромные 420-миллиметровые (17-дюймовые) гаубицы Круппа, представ-

лявшие собой первый тактический сюрприз мировой войны. Еще четыре дня понадобилось этим ужасным орудиям разрушения, чтобы принудить последний форт к сдаче. Оборона Льежа была первым вкладом Бельгии в дело союзников. Трудно сказать, насколько она задержала германцев, но она показала миру, что такая военная машина, как армия Германии, может замешкаться и понести урон при стойком сопротивлении. Краткой задержкой натиска Германии на правом фланге и отсрочкой выполнения ее намерений защитники Льежа добавили элемент к неопределенности войны.

Августовские дни пролетали под аккомпанемент бомбардировки Льежа. Неприятные для центральных держав сюрпризы были на Восточном и Южном фронтах. Самой ясной задачей австрийцев был разгром Сербии – цель, ради которой они развязали войну. Неподготовленная Россия оказалась полностью непредсказуемой: с неуправляемой вспышкой энергии она (в ответ на призывы Франции) отправила две армии в поход на Восточную Пруссию – не полностью укомплектованными и оснащенными. Девять дивизий германской 8-й армии, которым согласно плану Шлиффена предписывалось удерживать восточные области, были в затруднении. Волны беспокойства становились все шире. Первым следствием этого было крушение планов Австрии, вынужденной перебросить силы с сербского фронта на русский. Результат не заставил себя ждать: произошло отражение наступления австрийских войск, начавших вторжение в

Сербию 12 августа. Сражаясь с фанатичной храбростью на своей родной земле и проявляя высокое военное умение, сербы вовлекли в бои и разгромили до конца года едва ли не полмиллиона австро-венгерских войск, нанеся им потери, составлявшие почти половину первоначальной численности. Астрономические списки жертв Первой мировой войны начали составляться и стали ее устойчивым атрибутом: народы Запада были потрясены всем происходящим на их собственном фронте, но на других фронтах числа были такими же, а иногда и больше.

В течение последней декады месяца разворачивались решающие маневры, на которые современный историк может смотреть снисходительным оком олимпийца, но взаимосвязанный комплекс которых не мог не ощущаться в то время всеми. 17 августа, через день после падения Льежа, русские войска вошли в Восточную Пруссию, а четыре армии под командованием генерала Иванова готовились к атаке по всей линии австрийского фронта в Галиции.

Ни на востоке, ни на западе не иссякал прилив бешеной энергии. Массы находились в движении, германцы, ломая сопротивление, теснили бельгийскую полевую армию, до сих пор успешно отражавшую в коротких перестрелках и боях продвижение германской гвардии. При Халене 12 августа бельгийцы даже одержали небольшую победу в оборонительном бою, но все же были вынуждены отступить к Антверпену. 1-я армия генерала фон Клюка, бывшая как бы

острием германского меча, вошла в Брюссель 20 августа, а 21-го 2-я армия начала атаку на укрепления Намюра. Продвижение германцев сопровождалось невероятной жестокостью. Не принимая во внимание оскорбленные чувства обманутых нейтралов (и вспоминая горький опыт партизанской борьбы в 1870–1871 годах), заявляя, что бельгийские штатские лица стреляют в их солдат, немцы на своем пути дотла выжигали деревни и расправлялись с мирным населением. Вершиной зверства было сожжение города Лёвена с его знаменитой библиотекой, включавшей уникальную коллекцию средневековых рукописей, и разрушение Динанта, где были зверски убиты 678 мирных жителей, в том числе трехнедельный младенец. Со времен Тридцатилетней войны Европа не знала такого разнузданного террора; такие же бесчинства, если не хуже, творили германские и австрийские войска в Польше и на Балканах. Дороги были заполнены беженцами, цепляющимися за свои пожитки, толкающими детские коляски; более удачливые подгоняли конные повозки, немногие счастливики ехали на мотоциклах или легковых автомобилях. Все они серьезно препятствовали движению войск, являя символ безжалостности современной войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.